

Заозерский Н. А. Памяти проф. А. С. Павлова [† 16 августа 1898 г.]
(читано в аудитории Церковного Права перед началом лекций
2 сентября) [1898 г.] // Богословский вестник 1898. Т. 3. № 9.
С. 348–355 (2-я пагин.).

Памяти А. С. Павлова.

(Читано въ аудиторіи Церковнаго Права предъ началомъ лекцій 2 сент.).

Священный долгъ и тяжелая необходимость побуждаютъ насъ предварить въ настоящей разъ курсъ нашей науки грустнымъ предисловіемъ: 16 августа не стало А. С. Павлова, 40 лѣтъ самоотверженно работавшаго наукѣ Церковнаго Права. Какъ ни естественно представляется стороннему наблюдателю человѣческихъ жизней смерть въ его годы, притомъ годы тяжелаго труда и борьбы со всевозможными невзгодами: тѣмъ не менѣе лицамъ, близко знавшимъ покойнаго и понимающимъ значеніе его ученыхъ трудовъ эта смерть представляется жесточайшимъ врагомъ науки, который нечаяннымъ нападеніемъ своимъ произвелъ разгромъ въ ней, причинившій утраты, едва ли вознаградимыя по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени. Еще не даѣе, какъ въ февралѣ текущаго года покойный, чувствовавшій себя по видимому прекрасно, можетъ быть подѣ влияніемъ только что оконченнаго не легкаго труда изданія своего послѣдняго произведенія (Номоканонъ при большомъ требникѣ. М. 1897. Вновь переработанное изданіе), въ дружеской съ нами бесѣдѣ сообщалъ намъ о слѣдующихъ ближайшихъ своихъ намѣреніяхъ: во время пребыванія своего въ Петербургѣ, куда онъ приглашенъ былъ въ качествѣ предсѣдателя экзаменаціонной коммисіи, между прочимъ провѣрить въ тамошнихъ библіотекахъ окончательную свою копию съ списка Стоглава и заняться новымъ изданіемъ послѣдняго и другихъ неизданныхъ еще памятниковъ русскаго церковнаго права XVI, XVII вв., а затѣмъ приступить и за изданіе своего курса церковнаго права. Тяжкій недугъ и такъ нечаянная смерть разрушили это предначертаніе: кто и когда возстановитъ это разрушеніе?!

Довольно значительная масса изданныхъ ученыхъ трудовъ покойнаго содержитъ сравнительно ничтожную часть того необыкновенно обширнаго запаса знанія, который онъ собиралъ въ теченіи всей своей профессорской службы. Какой природный талантъ и какая мощная энергія требовались для накопленія этого обширнаго ученаго богатства! И кто теперь откроетъ для науки это сокровище, доступъ къ которому смерть замкнула какъ бы своимъ таинственнымъ ключомъ! Да, наука православно-церковнаго права должна теперь признать, что она въ лицѣ покойнаго преждевременно лишилась такого же виднаго представителя своего, какого еще недавно лишилась она и въ лицѣ западноевропейскаго ученаго юриста византолога Цахаріэ фонъ Лингенталя. Сопоставляя это имя съ именемъ покойнаго А. С. Павлова мы ни мало не опасаемся упрека въ какомъ-либо преувеличеніи относительно ученаго значенія послѣдняго по сравненіи съ первымъ. Совершенно наоборотъ. Мы не знаемъ и надѣемся намъ не укажутъ другаго имени въ области науки православно-церковнаго права, которое бы по характеру, методу ученыхъ работъ, энергіи и таланту подходило ближе къ имени нашего византолога канониста А. С. Павлова.

Сходство и такъ сказать равносиліе въ научномъ отношеніи обоихъ ученыхъ, связанныхъ нѣкогда личною ученою дружбою, обнаруживается изъ слѣдующаго сопоставленія.

Тотъ и другой работали по преимуществу въ исторической области права: Ц. фонъ-Лингенталь въ области византійскаго гражданскаго и церковнаго права, А. С. Павловъ въ области византійско-славяно-русскаго церковнаго права.

Строго-научное критическое изданіе богато-комментированнаго текста дотолѣ неизданныхъ или плохо прежде изданныхъ памятниковъ византійскаго и славяно-русскаго права— вотъ истинно великая и вѣчная заслуга того и другаго!

Въ какой мѣрѣ наука обязана Ц. фонъ-Лингенталю такими классическими изданіями, какъ „*Εκλογη*“ *Πρόχειρος Νόμος* и цѣлое изданіе *Collectio librorum juris graecoromani ineditorum*; въ такой же мѣрѣ она обязана и такими классическими изданіями А. С. Павлову, какъ Помоканонъ при большомъ тѣбникѣ (старое и новое изданія), „Книги закон-

ныя“ (съ параллелью ихъ: Земледѣльческимъ Уставомъ Льва Исавра), „Памятники русскаго каноническаго права XII—XVI вв. и др. Въ какой мѣрѣ наука обязана П. фонъ-Лингенталю освѣщеніемъ исторіи византійскаго церковно-гражданскаго права, до него весьма темной и запутанной; въ такой же мѣрѣ наука обязана А. С. Павлову освѣщеніемъ исторіи славяно-русскаго номоканона (общаго и епитимійнаго) дотолѣ настолько темной и запутанной, что нашему ученому приходилось рѣшать вопросы, которыхъ — по отзыву его предшественниковъ — „рѣшить нельзя“¹⁾).

Насколько наука обязана П. фонъ-Лингенталю выясненіемъ догмы гражданскаго византійскаго права въ его знаменитой „Исторіи греко-римскаго гражданскаго права (изд. 1864, 1877 и 1892 гг.), настолько же она обязана А. С. Павлову выясненіемъ догмы русскаго брачнаго права въ замѣчательномъ изслѣдованіи подъ заглавіемъ: Пятидесятая глава Кормчей книги, какъ источникъ брачнаго права“.

Совершенно однородны ученныя работы этихъ ученыхъ друзей и по *методу*. Это методъ — сравнительно-критико-библиографическій. Примѣненіе его къ научнымъ работамъ требуетъ необходимо и прежде всего: а) широкаго знакомства съ изданными и въ особенности рукописными памятниками права и б) тщательнаго историко-критическаго изученія ихъ въ разнообразіи отдѣльныхъ редакцій и вариантовъ, не говоря уже о комментированіи ихъ содержанія.

Въ какой мѣрѣ А. С. Павловъ обладалъ знаніемъ *рукописныхъ источниковъ* своей науки т. е. памятниковъ права византійскаго, славянскаго, древнерусскаго и новорусскаго (Синодальный Архивъ) объ этомъ отчасти, хотя и дов. таки ясно даютъ знать уже изданные труды его: устныя же бесѣды съ нимъ по этому предмету приводили насъ къ убѣжденію, что знаніе его въ этомъ отношеніи было едва ли не всеобъемлюще. Близко знакомый съ сокровищами этого рода отечественныхъ библиотекъ, музеевъ

1) Розенкампфъ, Обзоръ Кормчей книги въ историческомъ видѣ, изд. 2, стр. 57: „Рѣшить сей задачи нельзя, потому что мы не имѣемъ того оригинала, который присланъ былъ изъ Болгаріи въ Россію“. — Задача съ полною научною основательностью рѣшена А. С. Павловымъ въ его: Первоначальномъ Славяно-русскомъ Номоканонѣ“.

и архивовъ А. С. Павловъ отлично зналъ и инопоземныя сокровища этого рода. Свое путешествованіе по Западной Европѣ (въ 1867 году) онъ посвятилъ исключительно изученію рукописей каноническаго права, самостоятельно дополнять существовавшіе каталоги и описанія непосредственнымъ ознакомленіемъ съ подлинниками, завязывалъ знакомство и сношенія съ администраціями посѣщаемыхъ библиотекъ и благодаря этому, послѣ—во все время службы своей въ Московскомъ Университетѣ вель съ ними сношенія. И нерѣдко, не выѣзжая изъ Москвы, онъ получалъ изъ за границы справки, копіи, даже подлинныя рукописи, необходимыя для его ученыхъ работъ. Въ виду этого, не будетъ съ нашей стороны ошибки сказать, что такого многосвѣдущаго и глубокаго знатока источниковъ православнаго права доселѣ еще не бывало.

Здѣсь и кроется основаніе ученой дружбы А. С. Павлова съ Ц. фонъ-Лингенталь: послѣдній глубоко интересовался вопросомъ о судьбахъ и значеніи византійскаго права среди славянъ; но самостоятельно онъ не имѣлъ возможности удовлетворить этому интересу, — по незнанію славянскаго и русскаго языковъ; между тѣмъ этотъ вопросъ былъ главною задачею ученыхъ работъ А. С. Павлова, и вотъ въ немъ-то знаменитый западноевропейскій ученый византологъ нашелъ себѣ такого компетентнаго ученаго друга, какого не могъ найти нигдѣ болѣе.

Въ своихъ издательскихъ и авторскихъ трудахъ по исторіи права А. С. Павловъ, какъ и Ц. фонъ-Лингенталь, былъ неуклонно вѣренъ сравнительно-историко-критическому методу. Превосходное знаніе языковъ, не говоря о классическихъ, византійскаго и новогреческаго и западноевропейскихъ, обширный навыкъ въ палеографіи славянской, глубокое знаніе византійской и древне-русской исторіи давали ему возможность ориентироваться и разрѣшать самыя трудныя вопросы церковнаго права, въ массахъ греческихъ рукописей, самаго разнохарактернаго смѣшаннаго состава, находить подлинники не только славянскихъ, но даже латинскихъ переводовъ-памятниковъ (дотолѣ почитавшихся оригиналами), устанавливать историко-литературную зависимость и преемственность редакцій памятника, указывать варианты текста, освѣщать его содержаніе глубоконаучными

комментаріями. Да, изъ подъ пера А. С. Павлова выходили такія изданія и такія изслѣдованія, когорыя непременно запечатлѣны были характеромъ не только классической учености, но и характеромъ свѣжести, новизны: каждый ученый трудъ его по исторіи права былъ въ свое время научнымъ открытіемъ.

Характерною чертою ученыхъ трудовъ покойнаго было стремленіе къ всесторонности изслѣдованія предмета и законченности: не въ духѣ его было возбудить только вопросъ, или освѣтить его съ нѣкоторыхъ сторонъ, предоставляя другимъ, или отлагая до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ дальнѣйшее изслѣдованіе: онъ стремился исчерпать вопросъ сполна, до конца. Здѣсь причина—почему въ печать проникла сравнительно небольшая часть его работъ. Масса заготовляемаго къ печати постоянно оставалась въ ожиданіи увидѣть свѣтъ потому только, что нужно было навести нѣкоторыя справки въ той или другой рукописи, которой въ данный моментъ не было подъ руками и изданіе отлагалось. На вопросъ—почему не выпустить и въ такомъ видѣ сдѣлавъ приличную оговорку и пригласивъ читателя дополнить недостающее, покойный отвѣчалъ: „я довольно таки старъ для того, чтобы меня поправляли другіе“.

Эта черта въ характерѣ покойнаго не благопріятно отражавшаяся на количествѣ его трудовъ, благотворно вліяла на ихъ качество: изъ печати выходили творенія, вполне законченныя. Въ этомъ классическое, вѣчное ихъ значеніе: они будутъ переиздаваться, потому что въ нихъ всегда будетъ потребность, но переиздаваться въ томъ видѣ, какъ вышли изъ подъ пера его: переизслѣдованіе того, что имъ изслѣдовано, не дастъ въ результатъ ничего новаго, если только необыкновенно счастливый случай не подаритъ изслѣдодателя находкою дотолѣ скрытаго свѣжаго матеріала.

Понятно отсюда, какъ преждевременна была въ интересахъ науки смерть А. С. Павлова: какъ много лѣтъ еще нужно было прожить ему единственно для того, чтобы докончить уже заготовленныя произведенія!

Но какъ бы ни было достойно сожалѣнія лишеніе для науки, причиненное преждевременною смертію А. С. Павлова, какъ бы ни было горько чувство этой какъ-бы жестоко-несправедливой утраты, оно однакоже не должно и не мо-

жетъ заслонять возникающаго изъ глубины души нѣкотораго возвышенно-отраднато настроенія, примиряющаго даже съ разрушительною силою самой смерти. Нравственная личность его и предъ лицомъ смерти выступаетъ настолько могучею и опредѣленно окрѣпшею, что изгладить и вынести ее изъ среды живыхъ, повидимому, безсильна и самая смерть.

Какъ ни незначительна масса изданныхъ его трудовъ по сравненію съ тою, которая могла бы быть издана: однако же и она на столько велика и главное—*цѣнна*, что въ состояніи на долго обезпечить его общеніе съ нами, общеніе самыми дорогими чертами нравственнаго характера этого мужа. Своими произведеніями онъ будетъ жить съ нами въ самые лучшіе моменты нашей жизни, — въ моменты погруженія въ научныя занятія. Правда, мы не увидимъ уже его величественно прекраснаго облика, достойнаго быть запечатлѣннымъ рѣзцомъ художника, не услышимъ его громкаго голоса, живой энергической рѣчи; не встрѣтимся лицомъ къ лицу съ этимъ пламеннымъ энтузіастомъ науки, забывающимъ все ради ея чистыхъ интересовъ; не встрѣтимъ уже этого горячаго поборника науки и смѣлаго обличителя профанаціи ея; не будемъ наслаждаться бесѣдою съ этимъ крайне простымъ, гуманистѣйшимъ въ обращеніи человекомъ, чуждымъ всякой напыщенности, тщеславія, лести и лжи: все это смерть отняла у насъ! Но она безсильна для того, чтобы отнять у насъ его творенія; а они неотразимо влекутъ къ себѣ, потому что они столько же совершенны, сколько для насъ и необходимы и помимо научнаго своего содержанія невольно возстановляютъ предъ нами симпатичный образъ ученаго великана, который, не выходя изъ своего ученаго кабинета даетъ самыя обстоятельныя, детальныя сообщенія относительно древнихъ памятниковъ права Греціи, Италіи, древней Руси, Грузіи, балканскихъ и придунайскихъ славянъ! Они невольно возстановляютъ въ нашемъ сознаніи величавый образъ мужа, который исключительно своимъ личнымъ трудомъ и талантомъ создалъ себѣ положеніе человека, предъ которымъ каждый, уважающій свое человѣческое достоинство, чувствуетъ себя обязаннымъ поклониться съ уваженіемъ. И сколько возвышающаго, утѣшающаго и укрѣпляющаго въ этомъ образѣ человека, поставившаго себѣ цѣлью идти до конца путемъ честнаго

ученаго труда, чтобы снискать въ средѣ ближнихъ право на уваженіе и симпатіи и съ спокойною совѣстью, прощаясь съ жизнью, сказать Творцу и Звждителю: „Господи, пять талантовъ ми еси предалъ: се другія пять талантъ пріобрѣтохъ ими.“ (Мѡ. XXV, 20).—Съ другой стороны, сколько въ этомъ величавомъ образѣ сдерживающаго, умѣрающаго порывы тщеславія, исканія скороспѣлой ученой извѣстности, послѣднихъ научныхъ обобщеній, легкомысленныхъ сужденій, шумящаго или трескучаго много-и-пустословія!!....

Въ настоящее время въ большомъ ходу мнѣніе, что наука, какъ и прогрессъ вообще, движется не отдѣльными учеными авторитетами, а совокупною массою единицъ, что и пигмеи и карлики своею муравьиною работою движутъ науку и жизнь впередъ, какъ и личности выдающіяся. Правда это—и пусть здраствуютъ ученые пигмеи и карлики! Но несчастье для нихъ, если хотя по временамъ въ ихъ кропотливую работу не будутъ влагать своего труда великаны: слишкомъ затянется ихъ поступательное движеніе и вверхъ и въ ширь, и слишкомъ много накопится мусору въ ихъ строительныхъ матеріалахъ. Не достанетъ у нихъ силы поднимать камни для возвышенія и расширенія фундамента; не достанетъ глубины и широты взора, равно какъ и нравственнаго мужества, чтобы отдѣлять и выбрасывать не нужный балластъ: тутъ потребны великаны.

Къ числу не многихъ великановъ нашей науки принадлежитъ А. С. Павловъ. Да будетъ ему вѣчная память! Его величавый образъ да будетъ всегда служить для насъ возбужденіемъ и предохраненіемъ въ нашихъ трудахъ направленныхъ къ познанію свѣта истины и правды.

Есть обычай, не давно, но кажется уже съ большимъ успѣхомъ привившійся къ нашему общественному быту—оказывать честь умершему *вставаніемъ*. Я не нахожу удобнымъ послѣдовать этому обычаю въ настоящемъ случаѣ. Какъ выраженіе оффиціально-холодной вѣжливости, онъ слишкомъ скуденъ и малосмысленъ для памяти А. С. Павлова. Онъ былъ глубоко убѣжденный христіанинъ и ничего такъ не желалъ въ отношеніи къ ближнимъ какъ христіански-братскаго общенія съ ними. Въ особенности такого именно общенія искалъ онъ съ нашею Академією и доро-

жилъ имъ. Съ глубокою радостію констатирую фактъ, что и Академія съ своей стороны отвѣчаетъ на это взаимностью и нынѣ, какъ отвѣчала прежде: вчерашняя папихида, совершенная по немъ въ академическомъ храмѣ, въ вашемъ, м. г., многочисленномъ присутствіи несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что это христіански братское общеніе съ усопшимъ не порвало его смертію. Надѣюсь, что оно будетъ и далѣе существовать, особенно на почвѣ науки, надѣюсь потому, что оно необходимо: ибо безъ изученія твореній Павлова не можетъ идти успѣшно изученіе православноцерковнаго права въ его современномъ состояніи. Такъ глубоко врѣзалъ онъ свое имя въ скрижали нашей науки, что непрерывающееся общеніе съ нимъ неотдѣлимо даже отъ нашихъ собственннхъ научныхъ интересовъ. Поэтому вмѣсто *вставанья* лучше *засядемъ* покрѣпче (конечно въ свое время) за творенія А. С. Павлова.

Н. Заозерскій.

2 Сент. 1898 г.
